

Источник: Тендряков В. Ф. Когда мне бывает тяжело : [воспоминания о режиссере] / В. Тендряков // Жизнь и фильмы Владимира Скуйбина : [сборник] / сост. И. Сергиевская. – Москва, 1966. – С. 96-108 : ил.

В. ТЕНДРЯКОВ

Когда мне бывает тяжело,

когда приходят минуты отчаяния, я вспоминаю Володю Скуйбина. Трудности, с какими я сталкиваюсь, не идут в сравнение с теми, что переносил он. Но он никогда не позволял себе проявить слабость. Вспоминая его, я начинаю стыдиться и собственного малодушия... Он пришел ко мне, цветущий на вид, с живыми глазами, с той независимой решительностью в голосе, которая говорит о незаурядной энергии и сразу завоевывает уважение.

После того как наша кинематография начала вылезать из застоя, создавшегося в период малокартина, буйно потянулась поросль молодых режиссеров с новым видением и новым осмыслением жизни. Владимир Скуй-

Б. Скуйбин в Лондоне. 1959 г

бин в те дни был одним из самых молодых, но за своей спиной уже имел творческий багаж — два отснятых фильма. Об одном из них, «Жестокости», велись шумные разговоры, много писала пресса. Он пришел ко мне, чтобы начать третий.

Рука, которую он мне протянул, напоминала мне руки раненых, какие я много видел в свое время в госпитале, — чуть вялая, с атрофированными мышцами. И моя рука, после того как зарубцевались раны, выглядела так же, потому я не придал особого значения — временное, излечимо, раненые снова брались за автомат и винтовку.

Мы долго беседовали о сценарии, потом я пошел его провожать. Предложил:

— А не прогуляться ли нам до следующей остановки метро?

Он согласился.

До следующей остановки метро было километра два с лишним. Но он героически прошел и только в конце признался:

— Устал.

Я удивился, тогда он мне скромно сообщил:

— Я болен и скоро умру.

— Ну-ну, — я, признаться, опешил. — Что за фатализм?

— Наука разводит руками. Показывался нашим специалистам, был в Англии... Там в одном институте сказали: «Протяните два года, может быть, мы найдем радикальное средство...» Может быть, и так...

Он замолчал.

Позднее я узнал, что в Англии в знаменитом институте решили прибегнуть к успокаивающей лжи — дали на руки более или менее обнадеживающую историю болезни, а нашим врачам послали другую, где говорилось — неизлечим, наука бессильна.

В. Скуйбин в Лондоне. 1959 г.

— Хочется успеть что-то сделать, — сказал он.

И вот этот приговоренный к смерти человек стал работать на моих глазах.

В детстве я представлял труд кинорежиссера чем-то вроде вдохновенной игры: набирает актеров, одевает их в латы и кольчуги, приклеивает бороды, дает в руки мечи, приказывает — сражайтесь! И встают кони на дыбы, взлетают вверх мечи и топоры, падают поверженные враги, раскалывается лед под тевтонскими рыцарями... Оператор крутит ручку аппарата, режиссер командует с возвышения, взирает на представление с гордостью и радостью. Что за жизнь, не жизнь, а праздник — сплошные святки с переодеванием!

Став взрослым, я вплотную столкнулся с трудом кинорежиссера, понял — другую такую изматывающую профессию трудно найти. Режиссер создает, ему помогают операторы, звукооператоры, актеры, художники-монтажеры, рабочие-осветители, администрация, ассистенты, редакторы и т. д. и т. п. Ошибка или провал одного человека сразу же отражается на творчестве режиссера. А все эти люди по-разному глядят на жизнь, имеют свои творческие индивидуальности, свои чисто человеческие капризы. А тут еще план, который нужно выполнять в срок, тут и сметы, в которые нужно укладываться, организаторские неурядицы, начальственный контроль, поправки, переделки. Труд режиссера часто зависит и от мельчайших капризов природы: дождь — нельзя снимать, облака — когда нужно солнце, солнце — когда нужны облака, а простой стоят денег, за простой спрашивают с режиссера. Во время съемок режиссер целый день крутится как белка в колесе, а этот рабочий день тянется от темна до темна. И при этом постоянное трагическое неудовлетворение созданным — то актеры, то оператор не могут воплотить режиссерский замысел.

Я видел, как изнемогали к концу съемочного периода режиссеры, обладающие железным здоровьем, как они ходили с ввалившимися глазами, шатались от усталости, впадали в депрессию.

И такая работа легла на плечи тяжелобольного. Ему противопоказано малейшее раздражение, для него опасно даже легкое переутомление, он не мог громко говорить, быстро двигаться.

Его пальцы с трудом держат карандаш и ручку, но он пишет режиссерский сценарий. Он, раскинувшись в кресле, репетирует с актерами, пропуская их десятками за день, въедаясь в каждого, испытывая, споря, отыскивая нужных. Необходимо подыскать трех мальчиков на роли. За короткий срок было вызвано что-то около тысячи, из которых подобрали двоих, третий нашелся позднее. Скуйбина не удовлетворяют предложенные студией художники, он сам находит молодого, талантливого, недавно окончившего институт. Он просматривает эскизы, проверяет костюмы и грим, хлопочет, чтобы увеличили норму расхода пленки, спорит с бухгалтерией, урезающей деньги, отпущенные на массовые съемки.

Подготовительный период длится месяца два, а за это время болезнь прогрессирует: за обедом неожиданно из рук выпадает вилка, ноги заметно хуже стали служиться, слабеющая шея с трудом держит голову, речь становится менее внятной.

И вот разгар съемок. Он сидит на берегу Оки. Если ему раньше нельзя было двигаться быстро, то теперь он вообще двигается с трудом. Если недавно он не мог громко говорить, то теперь каждое сказанное слово требует больших усилий. Он вдавлен в кресло, непослушные руки безжизненно лежат на подлокотниках. Крикнуть не может, вскочить на ноги — тоже, не в состоянии показать актеру, как нужно действовать.

«Чудотворная». После трудной массовки

И все-таки он работает. У него активные и энергичные помощники, невнятное слово повторяется громким голосом, едва уловимый жест становится приказом...

Как бы ни велика и ни сгибаема была воля этого человека, но без преданных, чутких помощников он бы не смог проявить себя. Первый друг и помощник Скуйбина — его жена Нина. Она — его руки и его голос, она — частица Владимира Скуйбина, рабочий день которого продолжается и дома. Она переписывает сценарий, передает по телефону указания, при этом у нее своя работа, кроме того, она воспитывает сына... Все догадываются, но мало кто видит ее титанический труд. Нина всегда в тени.

На съемочной площадке правая рука Скуйбина, его помощник — режиссер Аида Ивановна Манасарова. В своей кипучей деятельности она чутка и внимательна, первая с полунамека, с полуслова понимает Скуйбина, она — передаточное звено и ревностный исполнитель. Позднее она по праву разделит со Скуйбиным соавторство над фильмом «Суд».

В прикованном к креслу режиссере-постановщике есть особая покоряющая сила, которой подчиняются все, — начиная от меня, случайного человека на съемках, включая оператора, актеров, кончая рабочими. Каждый невольно чувствует ответственность перед ним, каждый старается чем-то помочь, сделать больше, чем может.

На берегу Оки — шум, крики, чадит костер, сияют «диги». Идет съемка фильма «Чудотворная». Бросившегося в отчаянии в реку Родьку Гуляева выносят из воды... Не все гладко, как всегда. Осветительные приборы не на своем месте, массовка топчется, заслоняет основных героев, капризничает мотор передвижной электростанции, негодует оператор, сбились с ног ассистенты. А в этой толкучке неподвижно сидит в кресле человек

лет тридцати — главная нружила всего, руководитель, каждую минуту преодолевающий пропасть, которая отделяет его от здоровых, кипучих людей.

Если подготовительный период продолжается два месяца, то съемки фильма идут почти год.

При рождении фильма Скуйбин без всякой помощи приехал из одного конца города в другой, поднялся ко мне на восьмой этаж, беседовал, ради прогулки прошел со мной два километра. Фильм окончен, и Скуйбин без посторонней помощи не может подняться с дивана, уже совсем не может держать карандаш в руке, голова падает на грудь, и я почти не понимаю его — настолько невнятна речь.

Поражен спинной мозг — вянут руки, сохнут ноги, сдаются голосовые связки. Поражен спинной мозг, но не мозг головы. Поражен спинной мозг, но не мозг головы. По-прежнему взгляд ясный и проницательный, по-прежнему удивляет память этого человека, вместительная, острая, натренированная, подчас повергающая меня в смущение. Он может посрамить любого искусствоведа, занимающегося живописью, в литературе Скуйбин осведомлен больше меня, профессионала-литератора, история кино известна ему до мельчайших подробностей, его медицинские познания не уступают врачу. Мозг живет, незаурядный мозг волевого человека.

Кончен фильм, впереди бездеятельность, а это — затяжное, на годы, медленное умирание. Что же, смиренно ждать, сложив руки, прозябать остатки дней?

И вот, как человек, спасающийся от смертельной опасности, Скуйбин развивает бешеную деятельность. Он ищет новый сценарий, он наседает на меня, он знакомится с другими авторами — нужен сценарий, который воплотил бы его мечту. А мечта — снять фильм о врачах, о торжестве медицинской науки. В ту науку,

На съёмках фильма «Чудотворная»

На съемках фильма «Чудотворная»

которая спасала перед его болезнью, он верит, где-то в глубине души, быть может, еще ждет от нее спасения. Он мечтает прославить людей, побеждающих смерть.

Но авторы и сценарии, попадающиеся под руку, не вызывают доверия. Если бы можно было выждать, если бы можно было оглядеться, поискать, но ждать нельзя, дорог каждый день. С каждым днем болезнь отнимает силы. Сейчас или никогда!

Раз нет возможности снимать о врачах, Скуйбин решает работать над фильмом об охотнике-медвежатнике.

Его возят на съемки, он почти не может двигаться, его речь понимают только самые близкие. А съемки идут в сложных условиях, большая часть работы проходит на натуре, под открытым небом. В числе исполнителей не только опытные и прославленные актеры, такие, как Николай Крючков и Олег Жаков, но и актеры весьма строптивые, непослушные, даже опасные в своем раздражении, — медведи.

И снова слепящий свет «дигов», суматоха, крики, актеры, загримированные под охотников, собаки, рычащие на медведей, медведи, огрызающиеся на собак... И снова в центре всего человек, с усилием держащий поникающую на грудь голову, еще более беспомощный, чем раньше, но по-прежнему собранный. И люди вокруг испытывают к нему затаенное удивление.

Наверное, это единственный во всей мировой истории кинематографии случай — почти совершенно парализованный человек справился с такой трудоемкой работой, как съемка фильма. А он еще находил время читать, он был в курсе всех событий, знал все новинки литературы.

Невольно приходит в голову мысль: что если бы этот человек был здоров, с его волей, с его энергией, с его

упорством, какие бы дела он творил, какие бы пласти
подымал в искусстве!

Фильм закончен. Он выходит на экраны. Газеты
отмечают это как подвиг. В Англии Скуйбину в свое
время сказали: «Продержитесь два года, может быть,
придет помощь». Он прожил вдвое больше, но помощь
не пришла. Его болезнь, одна из немногих, до сих пор
не подвластна науке. Человек, заболевший ею, пригово-
рен к смерти, история медицины не знает случаев с бла-
гоприятным исходом.

Человек может преодолеть многое — этому пример
короткая, яркая, насыщенная деятельностью жизнь Вла-
димира Скуйбина, воистину подвижника в киноискус-
стве.

Для миллионов людей он оставил свои умные, за-
ставляющие думать картины, для тех, кто знал его
близко, — не побоимся высокого слова — нетленный бо-
гатырский дух, помогающий жить.